

Сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ (под ред. Ан С.А., Маркин В.В.). Барнаул, 2001
Издательство: Алтайский государственный педагогический университет

В. Г. Коровников

Познание мира человеком в концепции Фридриха Ницше

Нельзя назвать ни одного мыслителя, который с тем или иным успехом и оригинальностью не рассматривал бы проблем познания. Это относится и к философской системе Фридриха Ницше. Здесь его самобытность проявилась в полной мере.

По принятой в отечественной науке традиции, данной философской системе присущи агностицизм и метафизическая направленность. Но эти определения явно недостаточны (как и, наверное, любые определения вообще) и явно неполно отражают взгляды Ницше на проблемы познания. Можно, конечно, уточнить, что у Ницше “своя метафизика” и “свой агностицизм”, отличные от неких “метафизики и агностицизма вообще”. Но многие исследователи (Даниэль Галеви, К.Свасьян и другие) говорили о некоем “преодолении метафизики” в философской системе Ницше, часто в этом отношении употреблялся и термин “метафизический бунт”. Очевидно, этот вопрос заслуживает подробного рассмотрения.

Существуют некоторые расхождения в определении самого понятия “метафизика”. Под метафизической реальностью принято понимать особого рода сверхчувственную реальность, пребывающую за пределами опыта, эксперимента, наблюдения, причем как прямого, так и косвенного. Часто метафизикой называют метод познания, противоположный диалектическому, хотя предметом последнего является не только чувственная, но и сверхчувственная реальность.

“Преодоление” метафизики в философии Ницше, прежде всего, касается учений его предшественников об абсолютном мировом целом, недоступном никакому чувственному познанию, а также о боге, свободе воли, бессмертии, вечности и т.д.

Читая творения Ницше, очень сложно выделить главы, посвященные, например, чисто гносеологическим, или чисто онтологическим проблемам; изложение часто идет в русле нерасчлененного

“потока сознания”, где мысли о сущности человеческого бытия соседствуют рассуждениям о морали или о политике. Помимо этого, “внешним” попыткам построить некую цельную философскую систему (в привычном смысле этого понятия), препятствуют язык Ницше и его неповторимый стиль - яркий, образный, афористичный. Ницше преднамеренно не предпринимал попыток какой-либо жесткой схематизации своей философской системы, известно его выражение о том, что воля к системе является признаком недостатка честности. Автор вполне сознательно шел на такие “запутывания”: каждое его утверждение находится в тесной, хотя и скрытой для беглого взгляда, связи с любым другим элементом его учения. Эта стройная и тщательно продуманная конструкция становится доступной лишь вдумчивому читателю. Ницше так же преднамеренно старался избегать традиционных философских терминов, стремясь к некоему слиянию науки и искусства в своих произведениях.

Рассматривая вопрос о метафизике как методе познания в философии Ницше, придется затронуть и целый ряд других аспектов ницшеанства.

Решительный отказ от “математических” способов познания мира Ницше обосновывает следующим: мир хаотичен, природа не знает ни прямой линии, ни правильной окружности. Сплошь и рядом человек оперирует несуществующими единицами, линиями, телами, атомами, и тому подобными вещами, очеловечивая окружающий нас мир и превращая все в свой, человеческий образ. По мнению Ницше, человек, считая, что он познает окружающий мир, старается лишь свети чуждые нам явления к чему – либо уже знакомому. Такое познание далеко от истинного. Поступая таким образом, человек может постичь только самого себя – и то не всегда успешно.

Надо отметить, что в своих скептических рассуждениях о научном познании Ницше использует один из своих излюбленных приемов усиления эффекта сказанного: он сознательно не углубляется в суть вопроса, как бы мимоходом выбрасывая на суд читателей очередную внешне простую и одновременно “крамольную” мысль.

Фридрих Ницше многое перенял у своего “духовного учителя” Артура Шопенгауэра, на которого, в свою очередь, очень сильно повлиял Кант. Вопрос о сходстве и различиях ницшеанства и кантианства вполне мог бы стать темой серьезного исследования, но пока остановимся лишь на критике предшествующей, традиционной метафизики со стороны Ницше.

Главный обвинительный аргумент в ее адрес - это констатация того простого факта, что вся она построена на заведомо тупиковом принципе, суть которого в следующем.

Центральное понятие в любой предшествующей Ницше метафизической системе - сверхчувственный мир, т. е. трансцендентальный, истинный, самодостаточный мир духа. Это мир чистых абстракций, истинных причин и целей. Метафизика считает, что раскрытие сущности бытия и смысла жизни отдельно человека возможно только в пределах этого мира. Отсюда вытекает вопрос о взаимоотношениях человека и такого мира. И тут оказывается, что познающий человек сам не мог утвердить за собой права истинного определителя качества познания, так как критерий этой качества привносится откуда-то извне. При этом человеку приходится быть только где-то “рядом” с истиной, созерцать ее, и тем самым осуществлять познавательный процесс. “Прикладным” отражением сверхчувственного мира является религия. Человек передает право управления собой божественному промыслу, снимая с себя ответственность за судьбу своего бытия. Бог выступает гарантом сложившегося порядка, верховной инстанцией, оправдывающей абсолютно все происходящее. Естественно, страстное и свободолобивое учение Ницше никак не укладывалось в столь тесные рамки.

К научному познанию Ницше относится двойственно. По его мнению, наука возникла из “отвращения интеллекта к хаосу”. Хаос бытия отображается в мозгу хаосом представлений. Бесконечное и беспорядочное накапливание представлений о мире и о себе вызывает стремление к упорядочиванию представлений по принципу сходства. Так возникает логика. Логика для Ницше - понятийная необходимость представлять перспективные оценки, которые, в свою очередь, являются условием сохранения и роста индивида. Логика, как система взаимосвязей, необходима не в силу своей истинности, а истинна в силу своей необходимости, “логика есть оптимизм”. Отречение от ложных суждений представляет собой, по существу, отрицание жизни. Вера в истинность логики основана на “физической” потребности индивида в этой вере. Вера в то, что мышление, изучая причинно – следственные связи, может проникнуть в глубочайшие тайны бытия и даже исправить его – опасная метафизическая иллюзия. Для Ницше важно освободить логику от “трансцендентального гнета”, а для этого нужно в деле познания отказаться от признания логики в качестве последней инстанции, предлагающей истинные критерии.

Во многих своих трудах Ницше подвергает яростной критике рационализм, с присущим этому философскому течению стремлению все раз-

ложить по полочкам и изучать окружающий мир как некий сложный механизм. Скептически относится Ницше к принципу верховенства разума, который вообще появился в мире случайно, а человеческое мышление представляет собой ни что иное, как взаимоотношение человеческих инстинктов. По мнению Ницше, взгляд на мир с позиции одного только разума является упадочническим, декадентским и несет огромную опасность для человечества, лишая его возможности истинного познания того, что человек в силах познать. Вера в “разумность во что бы то ни стало” - опаснейший самообман, введенный в науку ни кем иным, как Сократом. Именно его Ницше считал первым – и наиболее опасным - декадентом от науки, извратившим благие начинания предшествующей ему философии и направившего ее в заведомо тупиковом направлении. По Ницше, у всех продуктивных людей инстинкт является творческой силой, а сознание – критической и противодействующей. У Сократа же инстинкт- критик, а сознание – творец. По этой причине Сократ для Ницше – “монстр”.

Подвергая во многих своих трудах все сократическое яростной критике, Ницше указывает на слабые стороны современной ему науки вообще и философии в частности. Сократ считал, что наука предназначена для того, чтобы являть существование постигаемым, и, следовательно, оправданным (для Ницше жизнь может быть оправданной только как эстетический феномен). Если вдруг такое оправдание становится непосильным для доводов логики, то Сократ (или любой ученый) призывает на помощь миф (или научную традицию).

И все же Ницше во многих своих трудах воспеваает науку как высшее достижение человечества, отмечая ее чудесную способность “освещать радостью новые звездные миры”. Очевидно, речь идет о какой-то альтернативе прежней науке. Разрушив предшествующую метафизику, Ницше предлагает свою концепцию познания. И эта концепция имеет большее отношение к космологии, чем к гносеологии. В предлагаемой Ницше теории истинного познания (рассматривающегося как нечто неотделимое от бытия и человека), разум - не судья, а рядовой участник.

Мышление навязывает предикаты бытию, “по своему образу и подобию конструирует мир”. И мир в силу этого наделен ложными свойствами. При этом действительные, истинные свойства мира “заслоняются” ложными, навязанными сознанием. Человек все еще далек от действительной сущности мира и ее познания. Чистое познание было бы не в состоянии сделать человека глубоким, изобретательным и способным к восприятию прекрасного. Все это сделало заблуждение. Кто открыл бы человеку сущность мира, тот причинил этим ему самое неприятное разочарование. Не мир, как “вещь в себе”,

а мир как представление (как заблуждение) является значительным и глубоким.

Действительных и основополагающих качеств, составляющих сущность бытия, не так уж много. И важнейшим из них, присущим всему, является воля к власти. Не следует забывать, что вопреки распространённому мнению, “воля к власти” для Ницше – прежде всего – стремление всего сущего к экспансии, к самореализации, к истинному прогрессу. Это - стержень бытия, его принцип и двигатель. Отсюда “критерий истины лежит в повышении чувства могущества”. Человеческий разум, как бы он этого ни хотел, не принимает участия в формировании онтологии бытия, он сам ей безраздельно подвластен.

В основе ницшеанской космологической конструкции лежит идея однородности всего сущего (к примеру, общественно-исторические законы идентичны законам всей космологии). Становление есть все, совершаемость его — в преобразовании качеств, сущность которых полагается волей к власти. Ницше стремился показать абсолютную однородность всего совершающегося, “жизнь, как она есть - без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного “ничто”: вечный возврат”.

Доктрина “воли к власти” в корне меняет отношение к вопросу о познании, и именно здесь в полной мере проявляется свойственная Ницше шокирующая лаконичность суждений. Прежде всего, субъект разрушен в качестве единого и понимается теперь как множественность, “познающая субстанция”. Тем самым вопрос о познании мира стал выглядеть несколько однобоко, поскольку не стало того, кто познает. Когда же Ницше заявляет о возникновении представления о единстве бытия из представления о единстве субъекта, вопрос уничтожается совсем. Человек, осознающий свою возвышенность над остальным миром из-за своей возможности этот мир познавать, больше не является судьей, диктующим приговоры бытию. Отныне, если человек как “физическая единица” бытия и вкладывает смыслы в другие “физические единицы”, то этот “всякий смысл есть воля к власти”. Теперь вопрос о том, как все обстоит “на самом деле” приобретает ясную, однозначную, и, можно сказать, величественную интерпретацию: веру в то, что “это есть так-то и так-то” надо превратить в волю, чтобы “это было так-то и так-то”.

Истинные философы для Ницше – повелители и законодатели, а не те, кто втискивает в формулы старые истины.

Очевидно, что Ницше, предлагая взамен разрушенной им предшествующей метафизики свою концепцию познания, так и не порвал

окончательно с метафизикой. В предлагаемой им системе присутствуют все основные черты, присущие метафизике. Это аксиоматический принцип, трансцендентальный критерий истины, скептическое отношение к возможностям разума и многое другое. В то же время с большим трудом можно назвать ницшеанство “метафизической системой”. Та или иная философская система рождается в уме конкретного философа. Поэтому она неизбежно самобытна, а любые определения всегда относительны. Знаменательно, что Ницше всю свою жизнь избегал вовлеченности как самого себя, так и своей философии в русло какого – либо движения или течения, какой-либо группы или партии (причастность к “вагнерианству”, как и разрыв с ним - исключение, лишь подтверждающее правило). Это стремление к обособленности пронизывает все его труды и теперь. Философия Фридриха Ницше – слишком *ницшеанское* явление, чтобы его можно было безоговорочно причислить к метафизическим системам.

В главной работе Ницше “Так говорил Заратустра” звучит настоящий гимн познанию, которое понимается не как праздная забава или комплекс софистических упражнений, а как мир опасностей и побед, настоящая арена для героических чувств. Познание требует от познающего строгости к себе, мужества и “веселого и бодрого настроения”, которое всегда сопровождает человека, живущего под девизом: “Жизнь – средство познания”.